УДК 821.511.132.091-1 (045)

Л. Е. Сурнина

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР И. А. КУРАТОВА[1]

Творчество И. Куратова стало выдающимся явлением в истории коми и финно-угорских литератур, а в период демократического просветительства зарождающаяся коми литература в лице Ивана Куратова по силе реального отображения жизни народа оказалась наравне с литературами, имеющими давние традиции. Тематика статьи связана с изучением лирической системы И. А. Куратова, которая является многосубъектной, содержащей разные способы выражения авторского сознания. Актуальность работы обусловлена исследовательскими возможностями, которые открывают изучение субъектного строя произведений для раскрытия индивидуальной авторской системы коми поэта. Объект анализа – стихотворения крестьянской тематики И. Куратова; предмет – субъектная организация как один из важнейших способов выражения авторского сознания. Поэт воплощает мысль о внутреннем единстве сельского коллектива и на геройном, и на структурно-субъектном уровнях. Авторская задача материализуется и в сфере субъектной организации текста, получая грамматическую оформленность в границах высказывания; и в самой структуре текста, каждый элемент которой (художественное пространство, образный ряд, мотивный комплекс, предметный мир, композиция, сюжет) так или иначе становятся средством репрезентации авторского дискурса.

Ключевые слова: коми лирика XIX в., И. Куратов, субъектный строй, поэтическое многоголосие, старик-балагур, сквернословие, фразеологическая точка зрения, веретено.

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-633-642

Иван Алексеевич Куратов (1839–1875) – основоположник коми литературы и литературного языка, поэт, просветитель, ученый-лингвист, переводчик. Сегодня общепризнанно мнение об особом феномене лирики И. Куратова, является началом и одновременно эстетической вершиной коми литературы вместе с этим выдающимся и уникальным явлением в культуре финно-угорских народов России [см. работы: Kokkonen 1984; Turkin 1990, 11–33; Valton 2005]. Творчество И. Куратова как знаковое явление фиксируется фактически во всех сравнительно-типологических исследованиях, посвященных проблемам возникновения письменных форм художественного слова у финно-угров. Так, известный исследователь удмуртской литературы В. М. Ванюшев видит роль И. Куратова не только в значительном ускорении развития коми письменности и литературы, но и в тех перспективах, которые творчество коми поэта открыло для других родственных народов: «С появлением Куратова происходит резкий скачок в литературно-художественном развитии народов и формируется приоритет их движения в сторону реалистического и многоаспектного отображения жизни» [Ванюшев 1991, 56]. Позицию В. М. Ванюшева поддерживает и развивает П. Домокош в работе о формировании литератур уральских народов. Венгерский ученый выделяет как отличительную черту коми поэзии ее «значительное прошлое», связывая его с именем И. Куратова, чей талант остается «непревзойденным и имеющим мировое значение» [Домокош 1993, 165].

Поэзия И. А. Куратова свидетельствует о его стремлении запечатлеть особую область действительности – национальную. Необходимо пояснить, что на этом пути И. Куратов не был одинок. Начиная с 1840-х гг., быт, обычаи, нрав коми народа активно осваиваются очерковой прозой, которая создается местной интеллигенцией на русском языке. Как пишет В. А. Лимерова, эта очерковая словесность была развернута в сторону русского читателя, при этом значительно ускорив становление национальной литературы: на ее почве вырабатывались такие важнейшие элементы, как «геопоэтический образ северного Зырянского края, образ зырянина – землепроходца и зверолова, органичные для зырянской культуры темы, сюжеты, мотивы» [Лимерова 2010, 5–11]. В это же время начинается процесс создания оригинальных, в основном, стихотворных произведений на коми языке. Благодаря записям И. А. Куратова, до нас дошли имена первых коми поэтов: П. Клочкова, В. Куратова, П. Распу-

[1]Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10113 «Фольклор автохтонных и переселенческих традиций народов Поволжья в современных записях и исторической динамике: интерактивный атлас звучащих текстов», рук. Шахов П.С.).

тина, подражавших в своем творчестве народной и духовной лирике. Известно, что И. Куратов, критически оценивая их сочинения, отмечая литературную безграмотность авторов, в то же время защищал их творчество как необходимый этап в развитии коми слова: «Стоит ли читать вообще плохие сочинения?… Из десятка плохих книг можно больше извлечь, чем из одной плохой. Ошибки предков составляют наш ум…» [Куратов 1939, 209–219].

Основная цель статьи – путем анализа субъектного строя отдельных стихотворений И. Куратова уточнить научные представления о лирической системе коми поэта. Отсюда вытекает и актуальность работы, обусловленная исследовательскими возможностями, которыми обладает изучение форм выражения авторского сознания для раскрытия поэтического мира И. Куратова. Исследователи отмечают, что на протяжении двух последних столетий характер авторства заметно изменился: центральным «персонажем» литературного процесса стало не произведение, не стиль и жанр, а его создатель. Без «образа автора» текст становится «механическим». Автор же дает о себе знать, прежде всего, как носитель своего представления о реальности; его субъективное видение мира и человека непосредственно воплощается в логике мыслей и поступков героев как свидетельство авторского понимания воссозданной в контексте повествования ситуации [Диева 2018, 74–75].

Особым свойством лирики первого поэта коми литературы И. А. Куратова является циклизация, объединение произведений в тематические сверхстиховые единства: «место и предназначение поэта», «судьба родного языка», «жизнь и смерть», «быт и нравственные ценности деревенского жителя», «любовь в жизни человека». Заметное место среди этих «объединений» занимают стихотворения, главными героями которых выступают представители сельского мира – крестьяне. Причины «пристального внимания» коми поэта к народной жизни связаны с общей демократизацией отечественной литературы, ее героя и языка, а также с задачами, которые ставил перед собой И. Куратов как первый коми поэт: создание национальной литературы и, в первую очередь, ее героев, воплощающих в себе ключевые этнические черты коми.

Так, в стихотворении «*Тима, дерт нин, пöрысь*» (Тима, конечно же, стар, 1864) перед читателями возникает образ старика по имени Тима (Тимофей). Тима – сельский балагур. Он громко рассказывает смешные истории, а свои главные шутки произносит шепотом, вызывая смех у толпящейся вокруг него молодежи, и только робкие девушки ускоряют шаг и заливаются краской, проходя мимо старика. Подобный куратовскому образ коми крестьянина-балагура встречается и в коми литературе XX столетия: Сюзь Матвей – герой дилогии «*Райын*» (В раю) и «*Инасьтöм лов*» (Неприкаянная душа) В. А. Савина, Николай Курочкин – герой пьесы «*Свадьба приданöйöн*» (Свадьба с приданным) Н. М. Дьяконова, Макар Васька – герой комедии «*Макар Васька – сиктса зон*» (Макар Васька – сельский парень) Г. А. Юшкова и др. Связывает всех этих героев такая общая черта характера, как любовь к шутке и острому слову.

Герой стихотворения И. Куратова «*Тима, дерт нин, пöрысь*» на первый взгляд, действительно, кажется только простым весельчаком:

Бользö-кывберитö,	Болтает-пустословит,
Абусö и эмсö	Быль и небылицу
Öтилаö йитö.	Все в одно сплетает.
Тима бызгас-бызгас,	Тима все болтает,
А кор мыйкö вашкас,	А когда что-нибудь прошепчет,
Серамöн зон брызгас	Молодежь смехом брызнет.

В первых шести строфах стихотворения герой предстает как непритязательный старик-балагур, умеющий позабавить и развлечь окружающих. В рассказе о герое раскрываются черты людей из категории народных шутников, обладающих веселым нравом и метким словом. *Мыйкö излас нэмсö, бользьö-кывберитö, кытчö сійö пуксяс, дінас том йöз шуксяс, Тима бызгас-бызгас, а кор мыйкö вашкас, серамöн зон брызгас, коді тöдас сöрö мый сэн неж вом тайö* (что-то лепечет вечно, болтает-пустословит, куда бы он ни сел, возле него молодежь все крутится, Тима болтает без умолку, а когда что-нибудь прошепчет, молодежь смехом брызнет, кто знает, брешет что там скверный рот его), – таким предстает герой в характеристиках автора-повествователя. Размышляя о месте таких людей в традиционном обществе, В. Я. Пропп отмечает, что люди, одаренные остроумием и способностью смеяться, есть во всех классах общества. Они не только сами умеют смеяться, но умеют и забавлять других. Появление таких людей сразу же вызывает веселое настроение. Таким людям свойствен не-

который оптимизм, смешанный со всегдашней, неунывающей оживленностью, которая заряжает окружающих [Пропп 1997, 29–30].

Напомним, что в стихотворении главный герой – Тима, окруженный сельскими парнями, подшучивает и подтрунивает над девушками, вызывая особую веселость у одних и смущение – у других:

Тима бызгас-бызгас,	Тима болтает без умолку,
А кор мыйкö вашкас,	А когда что-нибудь прошепчет,
Серамöн зон брызгас.	Молодежь смехом брызнет.
Ачыс сöмын кашкас.	А сам лишь запыхтит.
Ныв кö сэті мунас,	Если девушка пройдет мимо,
Воськов регыд содтас,	Шаг быстро ускорит,
Асьсö, югыдлунöс,	Ее, светлоликую,
Быдсö яндзим сотас	Смущенье обжигает.

Здесь следует обратить внимание на такую деталь характеристики главного героя, как *«пеж вом»* (Тима бользьö-кывберитö, бызгас-бызгас, коді тöдас, сöрö мый сэн *пеж вом* тайö) – буквально *«грязный рот»*, т.е. сквернословящий; человек, речь которого наполнена неприличными выражениями и непристойными словами. Именно сквернословные шутки старика, адресованные молодым девушкам, вызывают смех у парней: *а кор мыйкö вашкас, серамöн зон брызгас*. Как утверждает известная исследовательница народной культуры О. М. Фрейденберг, срамословие и срамные действа соответствуют актам плодородия. А смех на самых ранних стадиях культуры был одновременно связан с жизнью, рождением, спасением, с одной стороны, и со смертью, убийством, концом, с другой стороны (об этом пишут также В. Я. Пропп, Б. А. Успенский, М. М. Бахтин). Архаичный смех тесно связан с идеей круговорота времени – вечным повторением и возвращением. Эти представления базируются на связи смеха с землей, одновременно поглощающим началом и рождающим, возрождающим. Не случайно О. М. Фрейденберг называет смех метафорой смерти, но «смерти плодородящей, смерти в момент предела, за которым наступает жизнь»: в нем земля расцветает, и растения дают плод [Фрейденберг 1997, 105]. Архаическую семантику смеха отмечает и В. Я. Пропп в своей работе «Обрядовый смех»: на заре человеческой культуры смех входил как обязательный момент в состав некоторых обрядов. Смеху приписывалась способность вызывать жизнь в самом буквальном смысле этого слова. Это касалось и жизни человека, и жизни растительной природы. Есть множество свидетельств о том, отмечает исследователь, что человеческое мышление не делало различий между плодородием земли и плодовитостью живых существ. Земля в античности воспринималась как женский организм, а урожай – как разрешение от бремени [Пропп 1997, 211–213]. Случай актуализации древних символических значений смеха и сквернословия в коми литературе описан В. А. Лимеровой в ее статье о дилогии В. А. Савина «*Райын*» (В раю), «*Инасьтöм лов*» (Неприкаянная душа). Анализируя специфику персонажного мира дилогии, исследователь отмечает особую прикрепленность функции осмеивания к действующим лицам, олицетворяющим собой воспроизводящее жизнь начало: «Смех считался наиболее действенным, если его объектом становилось существо, способное рождать либо влиять на рождение» [Лимерова 2005, 26]. В свете вышесказанного становится понятна адресация скабрезных шуток куратовского героя-старика, жизнь которого близится к завершению, молодым девушкам, их связь с ритуальными значениями смеха.

Обратим внимание и на то, что седьмая строфа начинается следующим образом: ***Изки***! *Оласногöн зэв шань эськö ачыс*! (букв.перевод: *Жернов*! Хотя по жизни не плохой он сам). Сравнение речи героя с крутящимися жерновами еще раз выражена в стихе «*Мыйкö* ***излас*** *нэмсö, бользьö-кывберитö»* (Что попало мелет, лопочет языком всю жизнь). Поэт использует здесь языковую метафору, традиционное отождествление болтливого человека с мельницей, с работающими без остановки жерновами (сравним народные поговорки о болтливых людях: *как ветряная мельница шумит; мелет, ровно, жернов, что ни попало; мелет день до вечера, а послушать нечего),* в результате актуализируется метафорическое, связанное с идеей урожая значении слова «изки» – *жернов*. Выше отмечалось: скверно*слов*ие, срамо*слов*ие, пусто*слов*ие соответствуют актам плодородия. Таким образом, можно предположить, что рот также связан с рождением, а именно с рождением *слова*. Одной из характерных особенностей архаической картины мира выступает отношение к *слову* как *магической силе*, что объясняется синкретичностью древнего сознания [Николаева 2007]. А. А. Потебня в работе «Слово и миф» пишет: «Есть период, когда человек не только не отделяет слова от мысли, но даже не отделяет слова

от вещи; отсюда происходит старинное верование, дожившее до настоящего времени и состоящее в том, что одно произнесение известного слова само по себе может произвести то явление, с которым оно связано» [Потебня 1989, 206]. Многие паремии подчеркивают воздействующую силу слова: «рана от ножа может зажить, но сердце, раненное злым словом, не скоро излечится», «от доброго слова сердце будто жиром смазывается» [Мелетинский, Неклюдов, Новик 2010, 162–163]. Слово могло принести спасение, удачу, здоровье или навлечь беду, болезнь; помочь или помешать получению хорошего урожая. И не случайно во многих древних языках наблюдается соотношение значений «издавать звуки, говорить» и «творить, создавать» [Жданова]. Именно таким словом обладает герой И. Куратова. Его балагурство не является только личной чертой: у Тимы есть строго определенная функция, и поведение его связано с древней и очень серьезной функцией смеха: осмеивая возрождать.

Вторая половина стихотворения «Тима, конечно же, стар» «рисует» другую часть жизни старика. Здесь он показан человеком с серьезными жизненными установками, у которого всегда натоплена печь; он не пьяница и не курит табак, не умеет обманывать и воровать: *Мый весьшӧрӧ и шуны, оз бара куж Тима пӧръявны ни гуны медся на бур нима! Сы ордысь на нэмӧн омӧль эз вӧв петӧм. Оз мун йӧзӧ могӧн, пыр нин ломтӧм пачыс, оз тӧд кӧні кабак, оз ю табак* (Что зря и говорить, не умеет Тима обмануть и украсть – с самым добрым именем! От него за целый век ничего плохого не было. Не пойдет он к людям от нужды, у него всегда натоплена печь; не знает, где кабак, не курит). Мы видим, что индивидуальная характеристика героя дополняется социальной характеристикой жизни коми крестьянина. Поэт подчеркивает тот образ жизни, который свойствен в целом сельскому жителю. Тима – балагур, шутник, и Тима – трудолюбивый, добрый, душевный человек – вот две взаимодополняющие стороны воссозданного И. Куратовым образа героя; балагурство, оптимизм помогают ему честно трудиться и не знать нужды. Не пойдет он к людям просить (*Оз мун йӧзӧ могӧн*), дом его всегда натоплен (*Пыр нин ломтӧм пачыс*), и в закромах его – не мякина, а, как у доброго хозяина, хлеб (*Абу бара йӧртӧд сылӧн жугйӧн тыртӧм*), – говорит о нем поэт.

На воссоздание образа главного персонажа направлено также построение текста по принципу многоголосия. Поэтическое многоголосие характеризуется наличием нескольких субъектов сознания, которые оформлены одним субъектом речи (у текста, организованного разными субъектами сознания, разными точками зрения, – один и тот же субъект речи). Так, в стихотворении характеристика Тимы принадлежит автору-повествователю. Однако некоторые строки стихотворения при формальном сохранении того же субъекта речи включают в себя манеру речевого поведения героев повествования, т. е. в тексте повествователя появляются элементы чужой речи, характерные то для одного, то для другого персонажа. Так, например, третья строфа стихотворения приобретает форму диалоговости двух персонажей, хотя в тексте диалог графически и не выражен:

Кытчӧ сійӧ пуксяс,	Куда бы он ни сел,
Куль кӧ кыскӧ сэтсьӧ!	Бес как будто тянет туда!
Дінас том йӧз шуксяс!	Возле него молодежь крутится!

Так мог бы иронично сказать о Тиме его односельчанин – ровесник героя. А следующий дальше стих: *Сы дінӧ пӧ петсьӧ* (К нему, они говорят, тянет) – продолжение речи того же собеседника и в то же время ссылка на слово, сказанное кем-то из молодежи.

На присутствие «чужого» сознания в тексте автора-повествователя указывают специальные слова-частицы, отмечающие границу «чужого» текста. В данном случае И. А. Куратов в качестве такого сигнала использует частицу *«пӧ»* (рус. «мол», «де», «дескать»), а в последующих строках появляются дублирующие ее слова *«шуӧ»,* «*тай»* (рус.: говорит, говорят):

Абу бара йӧртӧд	Нет даже замка, задвижки –
Сылӧн жугйӧн тыртӧм;	говорит, **мол** деньги нескончаемы.
Быдсӧ иган, кӧртӧд –	
*Сьӧмыс **пӧ тай** быртӧм.*	
Оз тӧд кӧні кабак,	Не знает, где кабак,
*Чуньлыскысь **пӧ** юӧ*	Из наперстка, **говорят**, пьет:
Кывтас; оз ю табак,	И не потягивает табак:
*Ныр-вом ляксьӧ, **шуӧ***	Лицо, **говорит**, пачкается..

Как видим, «речь» повествователя не односубъектна: наряду с информацией о герое, в тексте легко прочитывается мнение жителей села, лично знакомых со стариком Тимой и доподлинно знающих его жизнь. В этих же фразах ощутимо присутствие слова самого героя, его самохаратеристика. Каждый раз именно он является «первоисточником» фраз, повторяемых затем односельчанами, а вслед за ними – автором-повествователем: деньги нескончаемы, не курю табак, потому что лицо пачкается.

Примером многосубъектности текста может служить также начало 6-й строфы: «*Коді тӧдас, сӧрӧ мый сэн пеж вом тайӧ»* (Кто знает, что там скверный рот его брешет). В сочетании с предыдущими строками: «*Ныв кӧ сэті мунас, Асьсӧ… Быдсӧн яндзим сотас»* (Если девушка пойдет мимо, Ее… смущенье обжигает) могут быть восприняты как выражение мыслей молодых девушек. А в связи с последующими строками: *Енногаяс шӧрӧ сійӧс, дерт, он вайӧ* (К людям, почитающих бога, его, конечно, не приведете) как выражение точки зрения тех, кто считает шутки Тимы неприемлемыми для богобоязненного человека.

Текст строится так, что читатель попеременно занимает точку зрения разных персонажей стихотворения. В результате образ героя складывается из совокупности разных характеристик и оценок, данных ему и повествователем, и сельским коллективом, и отдельными людьми, что делает его необыкновенно объемным. Сельский персонаж, который поверхностному взгляду мог бы показаться отрицательным, у И. Куратова оказывается по-своему обаятельным и колоритным. В стихотворении присутствуют эмоционально разные оценки героя, но все вместе они подтверждают значимость старика в сельском обществе. Голос повествователя, включенный в народный хор, позволяет взглянуть на людей изнутри этого общества. Он говорит о герое на правах давнего знакомца, имевшего возможность наблюдать этого человека на протяжении длительного времени, или, во всяком случае, достаточно долго для того, чтобы судить об устойчивых свойствах его характера и поведения.

В другом стихотворении И. А. Куратова – «*Пӧч*» (Старуха, 1866) перед читателями возникает образ одинокой старухи, которая уже не может работать со всеми в полях и на сенокосе:

Йӧз шы вуджис му-видз вылӧ,	Шум людей перенесся на луга,
Став грезд колис тыртӧм дзик,	Всё село опустело совсем,
Сӧмын пӧчӧ чӧрснас, кылӧ,	Только старуха веретеном, слышно,
Кывтын сюргӧ ньӧжйӧник	Перед печью тихо завивает.

Если герой стихотворения «*Тима, дерт нин, пӧрысь*» (Тима, конечно же, стар) – всегда находится среди людей, сельской молодежи (Куда бы он ни сел… Возле него молодежь все крутится!), героиня рассматриваемого стихотворения изображается, на первый взгляд, человеком одиноким, не имеющим своего места в сельском коллективе: во время страды ее не берут на сенокосные и полевые работы, а единственный сын находится далеко от матери: *«Тэ, кӧть, пиӧ, Сибирад сэн гаралышт мамсӧ»* («Ты хоть, сын, в Сибири там вспомни мать»). С другой стороны, текст стихотворения содержит детали, которые говорят об обратном. Поэт изображает старуху за прялкой: следовательно, кому-то нужна ее работа. Кот моется рядом на лавке – и старуха принимается за приборку в доме, ожидая доброго гостя.

Наряду с названными сюжетными деталями непрервавшаяся связь старого человека с миром передана поэтом с помощью субъектной формы стихотворения. В отличие от старика Тимы, ее мысли и чувства переданы в форме прямой речи и выражены в тексте графически:

«Он тай уджышт та ун пыръя!
Сёйны сёя!» – видчыштас.

«И, конечно, не поработаешь!
Есть-то ем!» – скажет строго.

«Эськӧ воин,
Ортӧй, кучкин морӧсӧ!»

«Хоть пришел бы,
Орт (букв: смерть моя), стукнул меня в грудь!»

От основного текста повествователя приведенные отрывки отличаются повышенной экспрессивностью, которая создается средствами поэтического синтаксиса. Многочисленные риторические восклицания передают душевное состояние героини: и надежду на скорую смерть, и размышления о сыне, который находится сейчас где-то в Сибири, но еще и злость на себя за немощность. Старуха сетует на то, что руки ослабели, что она не может делать работу, как прежде, и рот ее недостоин еды.

В изображенном пространстве старуха одна, в то же время ее слова обращены не только к себе, но поочередно к духу смерти – *орту*: к ожидаемому гостю, единственному сыну и к своим односельчанам, как и прежде нуждающимся в ее труде.

Еще один прием, с помощью которого «преодолевается» одиночество героини – особая позиция повествователя, в стихотворении не названного, но его присутствие ощутимо в пространственно-временной организации всего произведения. Вначале он видит опустевшее село со стороны и издалека, затем с помощью смены охвата наблюдаемого (шире – ỳже) происходит постепенная детализация пространства, приближение изображенного плана. Взгляд говорящего смещается от созерцания панорамы к конкретному человеку: *йöз шы* (шум людей, человеческие голоса), *став грезд* (всё село), *сöмын пöчö* (только старуха). Перемещение не только зрительное, но и звуковое (от шума к тишине): *йöз шы – грезд тыртöм дзик – пöчö сюргö ньöжйöник* (шум людей – село опустело – старуха тихо веретеном завивает). Зрительные и слуховые образы концентрируют внимание на том, что старуха – в пору страды, единственный оставшийся в деревне человек. В то же время приближение «картины» можно рассматривать и как приближение говорящего к дому старухи. И вот уже говорящий настолько близок к ней, что слышит еле, сквозь сон, произносимые ею слова. Косвенные способы передачи речи героини оказываются как бы недостаточными, возникает потребность включить ее в текст в произнесенном, а значит и услышанном прямом высказывании, что способствует персонификации «слышащего» старуху повествователя.

Далее он пристально разглядывает старуху, словно приглашая читателя: принять участие в этом: ***Тöдан****, вывті важöсь нин ки-кок пöчлöн* (***Знаешь,*** очень стары уже руки-ноги у нее). Эффект разглядывания героини через глаголы передающие длительность действия и тем самым помещает читателя в тот же временной промежуток, что и воочию наблюдающий за старухой «слышащий» и «видящий» повествователь: *чöрснас,* ***кылö, сюргö*** *ньöжйöник* (веретеном, **слышно**, тихо ***завивает***), ***печкö, печкö*** (**все *прядет* и *прядет***), *öти кинас тошсö* ***нетшкö****, сунис* ***нюжöдас*** (одной рукой ***рвет*** бороду кудели, другой нить ***потянет***), *кодыр карнан, кодыр тоин сёрсянь джоджö* ***усьласьö*** (то коромысло, то пест с полки на пол ***слетают***). Настоящее время создает впечатление, что картина разворачивается здесь и сейчас, когда мы читаем стихотворение. Будущее время глагола (*нюжöдас* – потянет) и форма многократного действия (*усьласьö* – букв. много раз падает, слетает с полки) создают впечатление протяженности времени происходящего, означая, что данное действие или состояние было в недавнем прошлом, есть в сию минуту и будет в ближайшем будущем, как обычное, характерное для старухи, а потому именно оно выбрано повествователем для рассказа о ней. Образы героини и повествователя тесно связаны друг с другом: читатель видит старуху за ее работой, но ощущает и присутствие наблюдателя – того, кто старуху описывает.

Особенно активно повествователь обнаруживает себя во фразеологической точке зрения, в подборе слов и выражений, очерчивающих внешний вид, жесты, движения героини.

Ныр-вом, ки-кок пöчлöн сімöсь,	Лицо, руки-ноги у старухи поржавели,
Тöдан, вывті важöсь нин!	Знаешь, очень стары уж!
Кузь шог гöрöм сылысь кымöс,	Горе избороздило ее лоб,
Сöмын вель на югыд син.	Но глаза еще остры.
Чукыра та паръяс вылын	Сухой и впалый рот
Серам оз нин тöдчывлы	Давно не знал смеха.

С этим описанием ее внешности контрастирует деталь, не столько портретная, сколько психологическая, характеризующая внутреннее состояние героини: *югыд син* (острый, проницательный взгляд). Эта единственная в тексте антитеза ярко очерчивает эмоционально-душевную жизнь внешне постаревшей героини: лицо ее напоминает древесную кору, изборожденную морщинами, но глаза пронзительно остры. Как и в других случаях, этот фрагмент характеризует повествователя, проницательному взгляду которого доступно то, что не всегда видимо глазу.

Значительное место в тексте отводится картине, изображающей старуху за работой, за прялкой:

Дзугыль пöчö печкö, печкö,
Ыджыд пыш тош печканнас;
Öти кинас тошсö нетшкö,
Мöднас сунис нюжöдас

Грустная старуха всё прядет и прядет,
Большая борода льна в её прялке.
Одной рукой рвёт бороду кудели,
Другой нитку потянет.

Повествователь останавливает взгляд на руках героини, как акцент на особых её действиях и связанных с ним предметах, что отсылает читателя к устойчивым символическим значениям процесса прядения и образа пряхи в народной культуре. Как пишет Н. А. Криничная, фольклорно-этнографические материалы дают ясное представление о том, что «даже обычное прядение (веретеном, на прялке) и обычные рукоделия (вязанье, шитье, вышивание), имеющие повсеместное распространение в крестьянском быту, имели некогда определенный магический смысл, со временем затемненный или вообще утраченный» [Криничная 1995]. При реконструкции верований, связанных с женскими рукоделиями, исследователи единодушно отмечают символический смысл прядения как «универсальной модели создания жизни, в т.ч. человеческой» [Валенцова 2009, 321], указывают на календарную регламентированность прядения как вида деятельности, влияющего на течение времени [Низовцева 2017, 18; Панюков, Савельева 2007, 264]. Заметим, что в символике человеческой судьбы, жизненного века, в целом – времени участвуют и образы предметов, непосредственно связанных с прядением: нити и веретена. Веретено как атрибут женских божеств, связанных с судьбой и смертью, которые сматывают на него нити человеческих жизней. А нить символизирует течение времени: виток за витком наматывая нить, веретено как бы связывает прошлое с настоящим. Общеизвестны примеры сказок, народных и литературных, в сюжете которых веретено играет роль магического предмета, останавливающего или продолжающего жизнь; напомним хотя бы самые известные: «Спящая красавица» Шарля Перро, «Сказка о царе Салтане» и «Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина и др.

Вспомним, что в стихотворении «*Тима, дерт нин, пöрысь*» (Тима, конечно же, стар) поведение героя определено не только особенностями характера, но и значениями, которыми народ наделяет смех и сквернословие. В стихотворении «*Пöч*» (Старуха) смысл жизни героини также передается действием, имеющем особые значения в народной культуре. Героиня И. А. Куратова с первых строк представлена как крутящая в своих руках веретено: *Сöмын пöчö чöрснас, кылö, кывтын сюргö ньöжйöник* (Только старуха веретеном, слышно, перед печью тихо завивает). Именно такие действия, как «крутить, вертеть» в народных представлениях связаны с семантикой зарождения, основания (дома, семьи) и плодородия. Отсюда – объяснение, почему создается впечатление, будто старуха одна и не одна: пока она может работать, прясть, она нужна людям, и связь ее с ними не прерывается, как не должна прерываться нить ее пряжи.

Вернемся к стихотворению «*Тима, дерт нин, пöрысь*» («Тима, конечно же, стар»). Главный герой в нем не является субъектом прямой речи, но благодаря особому строю повествования, в нем сплетаются голоса разных жителей деревни, создавая образ слова старика и представление о его месте в сельском коллективе. Старик-крестьянин оценивается своей социальной средой, и повествователь в этом случае часть и голос крестьянского общества, – это один из голосов в «народном хоре». Героиня стихотворения «*Пöч*» (Старуха) – обладательница прямой речи. Всё, что сказано ею вслух, являет ее автопортрет, с которого глядит на нас старый немощный человек, заставляющий себя работать, чтобы не есть хлеб даром. Для нее мерило ее жизни – труд, обеспечивающий место и смысл ее существования в сельском коллективе. Старость воспринимается ею осязательно, как помеха в качественном выполнении возложенных на нее обязанностей. Однако авторская задача в стихотворении шире. На сюжет героини как бы накладывается сюжет повествователя, переключающий смысл жизни старухи, прядущей свою пряжу, в иной, более высокий план. Повествователь наделен в тексте функциями рассказчика – свидетеля происходящего: он не собеседник старухи, но видит и слышит ее. В фокусе его восприятия поржавевшим от времени рукам и изборожденному морщинами лицу старухи противопоставлены свет и ясный ум, видные в ее глазах. Заметно, что он стремится зафиксировать длительность изображаемого времени и, можно сказать, нескончаемость нити, которую вытягивает из кудели старуха. Действия ее, как и окружающий ее предметный мир, приобретают символический

смысл: длина пряжи старухи соизмерима с длиной ее собственной жизни. Чем дольше крутится веретено в руках пряхи, тем длиннее день, тем дальше миг смерти и конца окружающего ее света. Так что стихотворение строится на сочетании несовпадающих точек зрения героини и повествователя, и смысл жизни прядущей старухи по-разному видится ей самой и автором.

В заключение отметим: И. Куратов стремится воплотить мысль о внутреннем единстве сельского коллектива и на геройном, и на структурно-субъектном уровне. Авторская задача материализуется в сфере субъектной организации текста, получая грамматическую оформленность и в границах высказывания, и в самой структуре текста, каждый элемент которой (художественное пространство, образный ряд, мотивный комплекс, предметный мир, композиция, сюжет) так или иначе становятся средством репрезентации авторского дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

Валенцова М. М. Прядение // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 321–328.

Ванюшев В. М. Общее и особенное в развитии литератур народов Урало-Поволжья в дооктябрьское время // Дооктябрьские истоки межлитературной общности Урало-Поволжья: Сб. статей. Ижевск: УдНИИЯЛ УрО РАН СССР, 1991. С. 51–58.

Диева А. З. Влияние авторской субъективности на архитектонику трагедии Е. Загребина «Эштэрек» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12. Вып. 3. С. 73–82.

Домокош П. Формирование литератур малых, уральских народов. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1993. 288 с.

Жданова Н. В начале было слово [Эл. ресурс]. URL: http://www.manwb.ru/articles/simbolon/simbol_lengua/Palabra_NatJdan/ (дата обращения: 18.02.2019)

Криничная Н. А. Нить жизни. Реминисценции образов божеств судьбы в мифологии и фольклоре, обрядах и верованиях. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. 40 с.

Куратов И. А. Высказывания о литературе, поэзии и искусстве // Куратов И. А. Собр. соч.: в 2-х т. Т. 1: Худож. произв. Сыктывкар: Коми Госиздат, 1939. С. 201–220.

Лимерова В. А. К вопросу становления национальной словесности: зырянская тема в литературных документах XIX века // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века. Сыктывкар: ООО Изд-во «Кола», 2010. С. 3–12.

Лимерова В. А. Над чем смеется зритель в комедиях Нёбдінса Виттора? // III Савинские чтения: Материалы республ. научно-практич. конф. (Сыктывкар, 20–21 ноября 2003 г.). Сыктывкар, 2005. С. 25–33.

Мелетинский Е. М.; Неклюдов С. Ю.; Новик Е. С. Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике. М: РГГУ, 2010. 285 с.

Низовцева С. Г. Рождественская обрядность в устных рассказах жителей села Лойма Прилузского района Республики Коми // Филологические исследования – 2017. Фольклор, литературы и языки народов европейской части России: формы, модели, механизмы взаимодействия. Сб. ст. по итогам Всерос. научн. конф. (9–13 октября 2017 г., Сыктывкар) / Отв. ред. Ю. А. Крашенинникова. Сыктывкар, 2017. С. 16–23.

Николаева П. В. Следы архаической традиции в творчестве Н.В. Гоголя: О магическом потенциале слова. [Эл. ресурс]. Москва, 2007. URL: http://www.domgogolya.ru/science/researches/1463/ (дата обращения: 21.02.2019)

Панюков А. В., Савельева Г. С. Традиционный календарь в Коми крае // PALAEOSLAVICA. XV / 2007. NO. 2. pp. 261–294.

Потебня А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 624 с.

Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. Санкт-Петербург: Изд-во «Алетейя», 1997. 288 с.

Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.

Kokkonen P. Komisyrjäänin kielioppia ja tekstejä. Helsinki: SKS, 1984.

Turkin A. I. A. Kuratovin elämä ja toiminta // Komin kansan ensimainen runoilija. 150 vuotta I. A. Kuratovin syntymästä. Helsinki, 1990. S. 11–33.

Valton A. I. Kuratov. Poleks kurbust, poleks rõõmu… (luulet 1857–1875). Tallinn, 2005.

Поступила в редакцию 02.09.2019

Сурнина Лидия Егоровна,
кандидат филологических наук, научный сотрудник
ФГБУН ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Институт языка, литературы и истории
167982, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26
E-mail: surninalida@mail.ru

L. E. Surnina

THE POETIC WORLD OF I. A. KURATOV

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-633-642

I. A. Kuratov's creative activity has been an outstanding phenomenon in the history of Komi and Finno-Ugrian literatures. In the period of the democratic enlightenment the incipient Komi literature which was written by I. A. Kuratov in terms of the real illustration of the nation's life was in line with literatures with old traditions. It is known, that I. A. Kuratov was not the sole writer of the 19th century, such names as G. Lytkin, P. Rasputin, P. Klochkov, M. Istomin and others are also well known. I. Kuratov knew about literary experiments by the Komi writers of the beginning of the 19th century. The critical perception of the works by these authors helped him to a certain degree to comprehend which targets must the poet solve, who represents a small nation of Russia. This article deals with the study of I. Kuratov's lyric system, which is multi-subject, containing different ways of expressing the author's consciousness. The relevance of the work is due to research opportunities that open up the study of the subjective system of works to reveal the individual author's system of the Komi poet. Poems of peasant themes by I. Kuratov are analyzed. The subject of the research is the subject organization as one of the most important ways of expressing the author's consciousness. I. Kuratov strives to embody the idea of the internal unity of the rural collective both at the heroic and at the structural and subjective level. Such a task materializes both in the sphere of subject organization and in the structure of the text itself, each element of which (artistic space, imagery series, motive complex, objective world, composition, plot) somehow becomes a means of representing the author's discourse.

Keywords: Komi lyrics of the 19th century, I. Kuratov, subject system, poetic polyphony, old joker, foul language, phraseological point of view, spindle.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 4, pp. 633–642. In Russian.

REFERENCES

Valentsova M. M. Pryadenie [Spinning]. *Slavyanskie drevnosti. Ethnolingvisticheskii slovar'. V 5 t. T. 4.* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary. In 5 vol. Vol. 4]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009. pp. 321–328. In Russian.

Vanyushev V. M. Obshhee i osobennoe v razvitii literatur narodov Uralo-Povolzhya v dooktyabr'skoe vremya [General and special in the development of literature of the peoples of the Ural-Volga region in the pre-October time]. *Dooktyabr'skie istoki mezhliteraturnoi obshhnosti Uralo-Povolzhya: Sbornik statei* [Pre-October origins of the interliterary community of the Ural-Volga region: Collection of articles]. Izhevsk, Udmurtskii institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN SSSR Publ., 1991. pp. 51–58. In Russian.

Dieva A. Z. Vliyanie avtorskoi sub'ektivnosti na arkhitektoniku tragedii E. Zagrebina "Eshterek" [Influence of the author's subjectivity on the architectonics of the tragedy of E. Zagrebin "Eshterek"]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii*. [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2018. Vol. 12. Issue 3. pp. 73–82. In Russian.

Domokosh P. *Formirovanie literatur malykh, ural'skikh narodov* [Formation of literature of small, Uralic peoples]. Yoshkar-Ola, Mariiskoe kn. izd-vo Publ., 1993. 288 p. In Russian.

Zhdanova N. *V nachale bylo slovo* [In the beginning was the word]. In Russian. URL: http://www.manwb.ru/articles/simbolon/simbol_lengua/Palabra_NatJdan/ (accessed 18.02.2019)

Krinichnaya N. A. *Nit' zhizni. Reministsencii obrazov bozhestv sud'by v mifologii i fol'klore, obryadakh i verovaniyakh* [Thread of life. Reminiscences of images of deities of fate in mythology and folklore, rites and beliefs]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo universiteta Publ., 1995. 40 p. In Russian.

Kuratov I. A. Vyskazyvaniya o literature, poezii i iskusstve [Sayings about literature, poetry and art]. *Kuratov I. A. Sobranie sochinenii: v 2 t. T. 1: Khudozhestvennye proizvedeniya* [Collected Works: in 2 vol. Vol. 1: Artworks]. Syktyvkar, Komi Gosizdat Publ., 1939. pp. 201–220. In Russian.

Limerova V. A. K voprosu stanovleniya natsional'noi slovesnosti: zyr'anskaya tema v literaturnykh dokumentakh XIX veka [On the question of the formation of national literature: the Zyryan theme in the literary documents of the 21st century]. *Zyryane i zyryanskii krai v literaturnykh dokumentakh XIX veka* [Zyryan and Zyryan region in the literary documents of the XIX century]. Syktyvkar, OOO Izdatel'stvo "Kola" Publ., 2010. pp. 3–12. In Russian.

Limerova V. A. Nad chem smeetsa zritel' v komediyakh N'obdinsa Vittora? [What is the viewer laughing at in Nyobdins Vittor's comedies?]. *3 Savinskie chteniya: Materialy respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferenetsii (Syktyvkar, 20–21 noyabrya 2003 g.)* [3 Savinsky readings: Materials of the Republican scientific-practical conference (Syktyvkar, November 20–21, 2003)]. Syktyvkar, 2005. pp. 25–33. In Russian.

Meletinskii E. M., Nekl'udov S. Yu., Novik E. S. *Istoricheskaya poetika fol'klora: ot arkhaiki k klassike* [Historical poetics of folklore: from archaic to classical]. Moscow, RGGU Publ., 2010. 285 p. In Russian.

Nizovtseva S. G. Rozhdestvenskaya obr'adnost' v ustnykh rasskazakh zhitelei sela Loima Priluzskogo raiona Respubliki Komi [Christmas ritual in the oral stories of residents of the village of Loima, Priluzsky district of the Komi

Republic]. *Filologicheskie issledovaniya – 2017. Fol'klor, literatury i yazyki narodov evropeiskoi chasti Rossii: formy, modeli, mekhanizmy vzaimodeistviya. Sbornik statei po itogam Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (9–13 okt'abrya 2017 g., Syktyvkar)* [Philological studies – 2017. Folklore, literature and languages of the peoples of the European part of Russia: forms, models, mechanisms of interaction. Collection of articles on the results of the All-Russian Scientific Conference (October 9–13, 2017, Syktyvkar)]. Syktyvkar, 2017. pp. 16–23. In Russian.

Nikolaeva P. V. *Sledy arkhaicheskoi traditsii v tvorchestve N.V. Gogolya: O magicheskom potentsiale slova* [Traces of the archaic tradition in the works of N.V. Gogol: On the magic potential of the word]. Moscow, 2007. In Russian. URL: http://www.domgogolya.ru/science/researches/1463/ (accessed 21.02.2019)

Pan'ukov A. V., Savel'eva G. S. *Traditsionnyi kalendar' v Komi krae* [Traditional calendar in Komi region]. PALAEOSLAVICA. XV / 2007. No. 2. pp. 261–294. In Russian.

Potebnya A. A. *Slovo i mif* [Word and myth]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 624 p. In Russian.

Propp V. Ya. *Problemy komizma i smekha* [The problems of comic and laughter]. St. Petersburg, Izd-vo “Aleteya” Publ., 1997. 288 p. In Russian.

Freidenberg O. M. *Poetika s'uzheta i zhanra* [The poetics of the plot and genre]. Moscow, Labirint Publ., 1997. 448 p. In Russian.

Kokkonen Paula. Komisyrjäänin kielioppia ja tekstejä. Helsinki: SKS, 1984. In Finnish

Turkin A. I. A. Kuratovin elämä ja toiminta // Komin kansan ensimainen runoilija. 150 vuotta I. A. Kuratovin syntymästä. Helsinki, 1990. S. 11–33. In Finnish

Valton A. I. Kuratov. Poleks kurbust, poleks rõõmu… (luulet 1857–1875). Tallinn, 2005. In Estonian

Received 02.09.2019

Surnina Lidiya Egorovna,
Candidate of Philology, Research Associate
Komi Research Center of Ural Branch of Institute of Language, Literature and History of RAS
26, ul. Kommunisticheskaya, Syktyvkar, 167982, Russian Federation
E-mail: surninalida@mail.ru